

— Вы из тех самых Линников?

К этому вопросу я давно привыкла. А еще раньше перестала ему удивляться.

— Мы — малоизвестная боковая ветвь, — отвечаю я, копируя манеру героини фильма, снятого по английскому роману позапрошлого века. — Моя мама — урожденная Линник.

Все это чистейшая правда. Моя мама Александра Александровна — двоюродная племянница Юрия Владимировича, младшего из двух знаменитых ученых, и его супруги Людмилы Павловны.

Из семейного архива

Академические родственники всегда незримо присутствовали в нашей семье. Постоянно звучали рассказы про Владимира Павловича — ученого-изобретателя мировой величины, создателя измерительных приборов и метода «вращающегося кристалла», известного как «метод Линника». Среди его многочисленных наград — пять орденов Ленина — высшая награда в советскую эпоху.

Здесь будет уместно «передать слово» корреспонденту «Ленинградской правды» от 17 марта 1974 года.

— Человек и наука, — повторяет ученый свой любимый афоризм, — это два вогнутых зеркала, вечно отражающих друг друга.

Владимир Павлович родился 6 июля 1889 года в Харькове. Рано потеряв отца, он воспитывался у дяди в Белой Церкви. Окончив с золотой медалью гимназию, в 1909 году он поступил в Киевский университет.

Путь талантливого самородка к знаниям был нелегким и непростым. Воздав должное его незаурядным способностям, профессора предпочитали допускать к знаниям в первую очередь студентов дворянского происхождения. Дядя, он же приемный отец Владимира Павловича, был кузнецом.

...В 1914 году он окончил физико-математический факультет с дипломом I степени и был утвержден ассистентом университета. После Октябрьской революции его пригласили работать ассистентом в Киевский политехнический институт, а затем, по приглашению академика Д. С. Рождественского, он перевелся в Ленинградский оптический институт.

Именно там раскрывается его талант изобретателя. Основные работы академика условно делятся на пять групп: оптика рентгеновских лучей, исследования оптических систем, микроскопия, применение оптики в машиностроении, разработка новых методов измерения в астрономии.

...Своей «всепоглощающей страстью» академик Линник называет астрономию.

Вместе с корреспондентом Владимир Павлович проходит в домашнюю обсерваторию, расположенную на дачном участке. Здесь все сделано руками самого академика. Стоит телескоп солидных размеров; по словам Владимира Павловича, он лишь вдвое меньше самого большого телескопа, существовавшего в России в годы его детства. На этом телескопе ученый испытывал свои оптические приборы, предназначенные для астрономии.

В брошюре, вышедшей в издательстве Академии наук СССР в 1953 году, рассказывается о дальнейшем научном и творческом пути великого ученого.

В 1934 году ему была присуждена ученая степень доктора физико-математических наук без защиты диссертации.

В том же году он был утвержден профессором ЛГУ, а в 1939 году избран действительным членом Академии наук СССР.

Начиная с 1948 года Владимир Павлович работал в Главной астрономической обсерватории в Пулково и являлся членом астросовета

при АН СССР. Значительное внимание он уделял астрономическим наблюдениям, где создал новые методы исследования. Был председателем совета по постройке шестиметрового телескопа БТА, предложил использовать азимутальную монтировку в этом инструменте. В 1957 году предложил конструкцию телескопа, в котором для компенсации атмосферных искажений используется составное зеркало с перемещаемыми элементами. Руководил разработкой облегченных и составных зеркал для отправки в космос.

Академик Линник дважды удостоен Государственной премии СССР — в 1946 году за работы по контролю микрогеометрии поверхностей и в 1950 году, совместно с группой работников, за внедрение в серийное производство предложенных им приборов.

Образцы приборов, созданных по идеям и под руководством Владимира Павловича Линника, демонстрировались в 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе и получили высшую награду «Grand Prix».

Владимир Павлович Линник воспитал большой коллектив сотрудников, многие из которых продолжают самостоятельно развивать его идеи и начинания. Он является кавалером пяти орденов Ленина, орденов Трудового Красного Знамени и Красной Звезды.

Умер 9 июля 1984 года в Ленинграде. Похоронен на кладбище в Комарово.

Вот сведения из брошюры, вышедшей в 1975 году в издательстве Академии Наук СССР.

Много времени он уделял педагогической деятельности. В течение почти тридцати лет был профессором Ленинградского государственного университета. Именно Юрий Владимирович организовал в послевоенные годы в ЛГУ подготовку специалистов по теории вероятностей и математической статистике.

Математика была главным в жизни Ю. В. Линника, но его интересы ею не ограничивались. Он владел семью языками, любил и хорошо знал поэзию. Имел обширные познания в истории, особенно в военной. Юрия Владимировича вспоминают как обаятельного и удивительно остроумного собеседника. Математики многих стран вспоминают его острые шутки и юмористические стихи, которые он писал на четырех языках.

В прессе сочувственно упоминали его сыновей — Ивана Линника, подающего надежды математика, преждевременно ушедшего из жизни, и Павла Линника, человека непростой судьбы.

Мама всегда с большим уважением рассказывала об Ирине Владимировне Линник (1922–2009). Та была старшим научным сотрудником Эрмитажа, кандидатом искусствоведения, специалистом по голландскому искусству и атрибуции живописных полотен. Ей принадлежит заслуга в опознании более двухсот пятидесяти ранее безымянных произведений, в том числе Хальса и Рембрандта. Автор книг о Франсе Халлсе, Караваджо, собраниях Эрмитажа. Ее книга «Голландская живопись XVII века и проблемы атрибуции картин» не имеет прямых аналогий даже за рубежом.

Процитирую фрагмент статьи из «Ленинградской правды» от 31 декабря 1967 года — все эти газетные вырезки бережно хранятся в нашей семье.

Картина «Поклонение волхвов», хранящаяся в собрании Ленинградского Эрмитажа, как выяснилось, принадлежит кисти Рембрандта. Это небольшое по размерам великолепно сохранившееся живописное полотно до сих пор не привлекало внимания искусствоведов, потому что значилось копией картины великого художника. Оригинал, как считали, хранится в одном из музеев Гетеборга.

В последнее время подлинность шведской картины была взята под сомнение. Научный сотрудник Эрмитажа И. Линник, специально изучавшая ленинградский холст, убедилась, что это, бесспорно, работа Рембрандта. В нижней части полотна удалось восстановить характерную для гениального голландца подпись и дату: 1632 г.

«Поклонение волхвов» — 26-я по счету картина Рембрандта в Государственном Эрмитаже, которую решено включить в постоянную экспозицию музея.

И, раз уж речь зашла об Эрмитаже, на картине, изображающей Ван Линника с семьей, по неподтвержденным данным, изображены наши предки. А родоначальником является голландский садовник, служивший у графини Браницкой в ее имении в Белой Церкви. Попытки старшего поколения собрать достоверную информацию не увенчались успехом: архив города Белая Церковь сгорел во время Великой Отечественной.

Людмилу Павловну, супругу Юрия Владимировича, называли старшей и главной женщиной нашего семейного клана. Во Всемирной Сети о ней нет ни единого слова. Она была геологом, почти до девяноста лет ездила в экспедиции, а потом осталась работать во Всероссийском научно-исследовательском геологическом нефтяном институте. Лучше всех в институте составляла отчеты об экспедициях. Уж на моей памяти отметила свой столетний юбилей.

Именно большое уважение и послужило причиной того, что живого общения с этими замечательными людьми не состоялось. Как-то раз, перебирая вместе с мамой семейный архив, я случайно наткнулась на письмо, где упоминалась мама, еще в студенческие годы. Юрий Владимирович интересовался, куда исчезла «юная Александра», почему она не заходит в гости.

— Я не могла этого сделать, — ответила мама на мои расспросы. — Нас воспитывали очень скромными, и такое казалось мне непозволительной дерзостью. И вообще, они гении, а мы обыкновенные люди. Нечего им докучать.

Поэтому отношения между академическими родственниками и нами — «боковой ветвью» — сводились к телефонным разговорам мамы с Людмилой Павловной.

Отношения между родственниками простотой не отличались. О такой яркой фигуре, как Ирина Юрьевна Линник, я иногда слышала от маминой тети Антонины Ивановны Линник, когда та приходила к нам в гости. Антонина Ивановна все время блокады прожила в Ленинграде, работала на фабрике «Веретено» — если я правильно запомнила, начальником цеха.

По молодости лет все эти разговоры меня не интересовали, тем более что про «Лялю и ее близнецов» говорилось полунамекками, не для ушей молодого поколения. Подробности все этой невероятной истории на Комаровской даче я с удивлением узнала из интернетовских статей. А еще до сих пор многие творческие знакомые, услышав об этом, радостно восклицают: «Я там тоже бывал!»

Комаровская дача

Академическую дачу на Курортной улице, д. 12, мне довелось посетить два или три раза. Скажу сразу: там не было ничего общего с тем, что я много лет спустя прочла в прессе о якобы происходивших там концертах и тусовках.

В конце восьмидесятых я училась на одном из старших курсов университета. Меня попросили «ради практики и за скромную оплату» заниматься французским с ученицей старших классов, моей четвероюродной сестрой Наташей Линник. Так я оказалась в квартире недалеко от площади Мужества.

Никакого толка от этих занятий не получилось. Я старалась изо всех сил, добросовестно пытаюсь воспроизвести все, чему учили меня, Наташа же относилась к происходящему, как к веселой игре. В итоге смеять-

ся и озорничать начинали мы обе. А потом к нам присоединился рыжий и очень хулиганистый кот-подросток.

Так продолжалось до самого лета, а потом Наташа пригласила меня на день рождения, который должен был состояться у них на даче. Я согласилась — с радостью, правда, не усматривая в предстоящем визите ничего грандиозного.

Мама, в отличие от меня, отнеслась к моей поездке серьезней некуда. Внимательно осмотрев мой наряд, она заставила меня заменить любимые открытые босоножки на «что-нибудь более приличное» и несколько раз повторила, чтобы я вела себя сдержанно и скромно, а главное — не забывала, что нахожусь в гостях у своих знаменитых родственников.

Академическая дача была необычной, непохожей на что-либо виденное мной ранее. Двухэтажный деревянный дом, вокруг — нетронутая сосновая роща, ни кустов смородины и крыжовника, ни клумб с цветами, ни яблонь. Внутри старинная мебель, закрытая полотняными чехлами, как в историческом фильме. На одном из таких диванов я переночевала, приехав в следующий раз. Нет, благоговейного трепета не ощутила, однако спать было немилосердно жестко...

Такого интересного и занимательного дня рождения мне не случилось видеть. Наташа придумала разные викторины, и даже нечто вроде «Поля чудес», когда нужно угадывать слово, открывая одну букву за другой. Одно из таких слов было очень длинным, и мне доставался один приз за другим. В какой-то момент, почувствовав неловкость, я нарочно стала называть редко встречающиеся буквы... но в слове обнаружился и они тоже!

В последующие мои приезды мы с Наташей играли перед домом в бадминтон и катались на велосипедах по улицам и дорожкам. Один раз для меня это закончилось настоящей аварией. У велосипеда, который я в тот день выбрала, оказались неисправны тормоза. Выяснилось это, лишь когда я, разогнавшись по наклонной дорожке, безуспешно попыталась снизить скорость. Впереди был забор. Поворот, куда уже сворачивала моя спутница, был достаточно узким. Чтобы не сбить Наташу, я отважно направила свой велосипед прямо в забор. Испугаться как следует не успела, точнее, в последний момент испугалась не за себя, а за очки.

Забор приближался, как в режиме стоп-кадра: вот он еще достаточно далеко, а теперь прямо передо мной, а затем...

Пришла я в себя, уже вися на этом заборе. Далеко внизу справа валялся велосипед, а слева — мои очки в красной пластмассовой оправе. Все остались целы.

О настоящем времени рассказать уже почти нечего. О столетнем юбилее Людмилы Павловны я узнала от мамы задним числом. Про нас — боковую ветвь — даже не вспомнили. А потом телефон Людмилы Павловны перестал отвечать...

Наташу я с тех пор больше не встречала. Последнее, что о ней слышала — она замужем в Германии, есть дочка и сын. В социальных сетях я нашла странички внука Юрия Владимировича и одного из «Лялиных близнецов».

Посмотрела и закрыла. Что я напишу совершенно незнакомым людям? И надо ли оно вообще?

Много лет назад, занимаясь на курсах гидов-переводчиков и активно посещая Эрмитаж, я так же не осмелилась поприветствовать здравствовавшую в те годы Ирину Владимировну. Она — знаменитый ученый, кто я такая, чтобы ее беспокоить?

Все, что остается — это поделиться с читателями уроком, полученным, к сожалению, слишком поздно. Общаться и встречаться с родней нужно, пока все живы.